

Цуй Ланьфан сказала, что хочет найти пару старых вещей Цинь-далана, чтобы положить в гроб, но семья была слишком бедна - из двух оставшихся его одежд она уже перешила одну для Цинь Жунши, и теперь в доме вовсе не осталось его прежних вещей.

Она медленно вошла в комнату, обыскала всё, но ничего не нашла, и в конце концов вышла с пустыми руками. Ничего не говоря, она понуро поставила маленький табурет рядом с гробом, села и уставилась в пустоту.

— Мама.

Цинь Жунши незаметно подошёл к ней, держа в руках ту самую окровавленную одежду.

— У старшего брата одежда порвалась, зашей, пожалуйста.

Это была та самая вещь, которую прислали вместе со сломанным ножом; Цинь Баньбань уже пыталась её выстирать несколько дней назад, но кровь въелась слишком глубоко, сколько ни полощи, даже после четырёх-пяти раз она всё равно оставалась ярко-красной, режущей глаз.

Цуй Ланьфан дрожащими руками приняла одежду, пальцами долго проводя по разорванному рукаву. Цинь Баньбань молча стояла, опустив голову, затем вдруг тихо-топая, побежала в комнату, достала корзинку с нитками и иглами и так же быстро вернулась обратно. Едва девочка вышла, как услышала голос матери - мягкий, добрый, но наполненный горькой тоской:

— Это я перед тобой виновата... с таким трудом накопила немного денег, хотела отправить тебя обратно учиться... а моё здоровье подвело, только тяну тебя за собой.

Говоря это, она протянула руку и погладила Цинь Жунши по лицу. Тот, хоть и был ещё ребёнком, нахмурился, стараясь выглядеть взрослым, и сказал:

— Мама, не обязательно учиться, чтобы найти путь в жизни. Я уже сдал экзамен на степень туншэна; даже если не идти дальше по экзаменам, я могу переписывать книги, писать письма за других или найти работу счетовода - так смогу содержать вас и Баньбань. Главное, чтобы мы были вместе.

Цинь Баньбань, услышав разговор матери и брата, застыла у двери и не решалась подойти; её глаза были широко раскрыты, и в них мерцал тёмный блеск, словно чёрный драгоценный камень, но о чём она думала, понять было невозможно.

Обстановка становилась слишком тяжёлой, и Лю Гуй чувствовал себя неудобно, поэтому попытался её разрядить:

— Мама, давайте всё же зашьём одежду далана и положим её в гроб. Уже поздно, а завтра выберем подходящее время и пораньше устроим могилу с одеждой, тогда и душа сможет

вернуться домой.

В прежней жизни Лю Гуюй был сиротой, вырос в приюте; его оставили у ворот именно в день праздника Гуюй, и директор приюта дала ему это имя, а фамилию - свою. У него не было родной матери, и потому сейчас он без всякого стеснения звал «мама», произнося это слово легко и естественно.

Услышав его, Цуй Ланьфан кивнула; Цинь Баньбань тут же подбежала и, присев рядом, взяла иглу, помогая продеть нить. Мать и дочь занялись делом, и вскоре старая одежда была аккуратно заштопана. Цуй Ланьфан вытерла слёзы, тщательно сложила одежду и бережно положила её в гроб рядом с тем самым сломанным ножом.

Она ещё раз взглянула на неё, затем присела, пытаясь поднять крышку гроба. Лю Гуюй заметил это и поспешно подошёл помочь - каждый взялся за свой край, и они вместе закрыли крышку.

Похороны Цинь-далана были простыми: лишь устроили символическую могилу с одеждой, а у надгробия семья Цинь сожгла немного поминальных бумажных денег и зажгла благовония и свечи.

Цуй Ланьфан снова расплакалась у могилы, так что глаза её распухли, словно два налившихся красных ядра персика. Она плакала так, что задыхалась, и в итоге Лю Гуюю пришлось поддержать её и отвести домой; однако, вероятно, помня о двух оставшихся детях, уже на следующий день она не показывала своей скорби и даже не пролила ни одной слезы.

В деревне Шанхэ людей было много, каждый день случались новые события, и история семьи Цинь вскоре была забыта окружающими. А Лю Гуюй к тому времени уже почти десять дней как оказался в этом мире и понемногу начал привыкать к новой жизни...

Привыкнуть? Да чёрта с два!

Невозможно к этому привыкнуть!

Лю Гуюй дёрнул мокрый от пота воротник, с каменным лицом хлопнул по назойливо жужжащему перед глазами комару - один, второй, третий...

Чёрт возьми!

Как же он скучает по вентилятору, кондиционеру, мороженому, туалетной воде, спиральям от комаров... Хотя стоп, в современном городе ведь почти нет комаров! Даже спирали не нужны!

От этого он становился ещё злее!

Хоть уже и прошёл Лицю (начало осени), но осенний зной стоял нешуточный; деревня располагалась у гор и воды, а потому комаров было особенно много. Перед сном Лю Гуюй каждый вечер занимался тем, что бил комаров, а утром, едва открыв глаза, снова принимался за то же самое.

Замечательно! Каждый день новые испытания.

В этот день, только закончив свою схватку с комарами, он перевернулся, встал с кровати, накинул одежду и вышел умываться. В деревне было всего два приёма пищи в день - утренний и вечерний. Это, пожалуй, было для него самым непривычным: к полудню у него уже громко урчал живот, но семья Цинь была слишком бедна, и ему было неловко просить ещё один приём пищи. Поэтому он каждый день ломал голову над тем, как заработать деньги.

Деньги! Деньги! Деньги! Главная задача в жизни!

Едва закончили завтракать, как Цинь Баньбань надела на спину небольшой плетёный бамбуковый короб и сказала, что пойдёт на гору Сяолю собирать грибы.

У деревни Шанхэ было две горы: меньшая называлась Сяолю, большая - Ланкоу. На Сяолю обычно ходили девушки и гэры из деревни собирать дикие травы, ломать побеги бамбука, искать грибы или весной рвать цветы для украшения волос. А вот гора Ланкоу... это уже настоящая большая гора: если зайти глубже, можно встретить диких зверей, и туда лишь изредка наведывались взрослые мужчины, чтобы рубить дрова на окраине.

Лю Гуюй всё ещё был погружён в размышления о своём «великом плане заработка», поэтому, услышав слова Цинь Баньбань, не стал особо задумываться, лишь махнул рукой, отпуская её, и сказал только, чтобы по дороге была осторожнее и не возвращалась слишком поздно. В бедных семьях дети рано взрослеют: в деревне ребята уже в семь-восемь лет могут ходить в горы за травой для свиней, так что Лю Гуюй особо не переживал, разве что невольно добавил пару напутствий.

Но в этот раз всё пошло не так. Баньбань ушла на несколько часов и к ужину так и не вернулась. Солнце всё ещё стояло высоко, но уже не палило так сильно; ещё немного, и начнёт садиться. Лю Гуюй зашёл на кухню, осмотрелся и хотел было разжечь огонь, чтобы приготовить ужин.

Он был фуд-блогером и прекрасно умел готовить, но с деревенской глиняной печью пока не очень справлялся, в последние дни ему обычно помогала Цинь Баньбань. Подумав об этом, он тут же развязал передник на поясе и, выбежав наружу, позвал:

— Мама! Мама!

Цуй Ланьфан вышла и спросила:

— Что случилось?

Лю Гуюй поспешно спросил:

— А Баньбань обычно во сколько возвращается с горы Сяолю?

Ужинали в час Бу (с 15:00 до 17:00), но в деревне никто не придерживался строгого времени: кто-то задерживался в поле до самого заката и только потом возвращался готовить.

Цуй Ланьфан ответила:

— Бывает, раньше приходит, бывает позже. Все деревенские девочки и гэры с детства по этой горе бегают, Баньбань часто туда ходит за грибами и травами. Может, сегодня добычи много, вот и задержалась.

Их разговор услышал и Цинь Жунши - он вышел из комнаты, выслушал слова матери, затем нахмурился и оглядел двор; его взгляд остановился на глиняной стене у кухни, где стояла бамбуковая стойка с мотыгами и серпами.

Брови его нахмурились ещё сильнее, и он сказал:

— Ужин ещё не готов, лекарство для матери тоже не сварено, рук не хватает. Мама, я лучше со старшей невесткой схожу в горы, посмотрим, что там.

С этими словами он посмотрел на Лю Гуюя и, не теряя времени, зашагал к нему, зовя его с собой.

Лю Гуюй всё ещё был немного растерян и какое-то время не находил слов, лишь молча последовал за ним. А вот Цуй Ланьфан поспешила следом и крикнула:

— Баньбань ведь впервые за долгое время пошла развеяться, пусть немного погуляет! Я сама приготовлю ужин. Мне уже лучше, с готовкой и отваром я справлюсь!

Она выбежала за ними, но из-за болезни не могла идти так быстро, как молодые; добравшись лишь до ворот, увидела, что оба уже ушли далеко, и, тяжело вздохнув, вернулась назад.

Цинь Жунши шёл быстрым шагом, всё ускоряясь, а затем и вовсе перешёл на бег. Лю Гуюй торопливо следовал за ним и сказал:

— Твоя мать права, Баньбань в последнее время и так ходит подавленная, пусть хоть немного развеется.

Но Цинь Жунши ни на шаг не замедлился, лишь обернулся на ходу и поспешно сказал:

— Маленькая мотыжка для лекарственных трав пропала, скорее всего, её взяла Баньбань.

— А? — растерялся Лю Гуюй.

Цинь Жунши тут же добавил:

— На горе Сяюлю почти нет ценных трав. Если собирать лекарственные растения, то только на горе Ланкоу.

У троих детей семьи Цинь были свои способности. Цинь-далан с детства был высоким и крепким, с сильными руками, поэтому его и выбрали на военную службу. Второй сын, Цинь Жунши, был умен, прирождённый ученик: в юном возрасте уже сдал экзамен на степень туншэна и прославился как маленький гений. А Цинь Баньбань часто сопровождала отца, учась различать лекарственные травы; в этом она даже превосходила братьев, знала множество растений и помогала обрабатывать собранное.

Но, увы, отец рано умер, и больше некому было её этому учить. И именно на горе Ланкоу отец Цинь сорвался в пропасть, собирая травы. Стоило Цинь Жунши об этом подумать, как его спину словно холодным потом пробило. Эта девчонка наверняка слышала разговоры матери и брата о нехватке денег, ничего не сказала, а сама тайком взяла мотыжку и ушла в горы.

Лицо Цинь Жунши было полно тревоги, шаг становился всё быстрее. Глядя на него, Лю Гуюй тоже начал паниковать.

В памяти прежнего хозяина гора Ланкоу вовсе не была местом, куда могла бы просто так отправиться маленькая девочка. Тем не менее, они всё ещё надеялись на лучшее и сперва направились к горе Сяюлю, где как раз встретили нескольких девочек, спускавшихся вниз.

Цинь Жунши уже было не до важного вида, он поспешно подошёл и спросил:

— Сестра Юнь, ты не видела мою младшую сестру?

Девочка, которую назвали «сестрой Юнь», покачала головой:

— Нет, не видела.

Остальные девочки тоже замотали головами и заговорили наперебой:

— Не видели.

— Мы сегодня весь день были в горах, но Баньбань не встречали.

— Да, я тоже не видела.

...

Цинь Жунши ещё больше встревожился, поспешно поблагодарил и, развернувшись, бросился бежать обратно. Лю Гуюй тоже торопливо поблагодарил девочек и сразу же побежал следом.

Когда они добрались до подножия горы Ланкоу, Лю Гуюй, тяжело дыша, наконец схватил Цинь Жунши за руку, который уже собирался без раздумий броситься вверх по склону, и крикнул:

— Подожди! Ты хоть раз бывал на Ланкоу? Дорогу знаешь? Если мы вдвоём туда полезем, это будет как «Тыковки спасают дедушку»! В итоге ни Баньбань не найдём, ни сами не выберемся!

Цинь Жунши не понял, что значит «Тыковки спасают дедушку»*, но после слов Лю Гуюя всё же быстро остыл. Он и сам не был человеком импульсивным, просто в этот раз тревога за близкого спутала ему мысли. Ещё дома, заметив пропажу маленькой мотыжки, он понял, что дело плохо, но, помня о недавних похоронах и слабом здоровье матери, не решился сказать ей правду, боясь снова её потрясти.

(ПП: это знаменитая фраза из культового китайского мультфильма «Принцы-тыквы». Полная версия поговорки звучит так: «Тыковки спасают дедушку, один за другим и все попадают в беду». Сейчас эту фразу используют как ироничную метафору для ситуаций, когда люди действуют поодиночке, нескоординированно и глупо, вместо того чтобы объединить усилия)

Но теперь, похоже, скрывать уже было невозможно.

— Я схожу к старосте, попрошу его собрать людей и пойти в горы на поиски.

Он только успел это сказать, как из стоящей неподалёку хижины вышел юноша - лицо у него было ещё юное, но сам высокий и крепкий. Его звали Чэнь Саньси - сирота, выросший в деревне на подаянии у разных семей. Позже он стал жить у одного бездетного охотника, и жизнь его хоть немного наладилась, но два года назад тот ушёл в горы на охоту и не вернулся, и Саньси снова остался один.

Чэнь Саньси вышел к ним и спросил:

— Что вы двое делаете у подножия горы?